

Сурения

Океан жизни

СИрения –
Океан жизни

«Литнет»

2025

– С.

Океан жизни / С. – — «Литнет», 2025

В утопии будущего - чувства вне закона. Но когда цивилизация оказывается на грани вымирания, им поручают миссию: найти в древних мифах ключ к спасению. Они не знают, что настоящая цель их полёта — не воскресить жизнь, а уничтожить последний источник «опасной заразы» под названием Любовь. Прошрое, настоящее и будущее сплетаются в единый круговорот.

© – С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Часть 1 Где-то на краю мироздания Глава1	6
Часть 1 Глава 2	8
Часть 1 глава 3	10
Часть 1 глава 4	12
Часть 1 Глава 5	14
Часть 1 глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пролог

Далекое будущее

Верховный

Разум — вот единственный законный наследник вселенной. Эмоция — сбой в его матрице. Любовь — самый опасный из всех вирусов.

Я стоял в Зале Безмолвных и смотрел на новую партию клонов. Идеальные тела. Абсолютно стерильное сознание. Никаких следов аффектов, никаких намёков на привязанность. Чистый лист. Именно таким и должно быть будущее человечества. Мы изгнали хаос чувств, вырезали раковую опухоль страстей и построили утопию, где ничто не угрожает логике и порядку. Но система дала сбой.

«Феномен Ноль» — так мы называли это в отчётах. Каждое новое поколение клонов, созданное за последний цикл, демонстрирует необъяснимый регресс. Они функциональны, но... пусты. В них нет даже тени любопытства, базового инстинкта выживания, намёка на волю. Они — биороботы, и их пустота начинает угрожать стабильности всей нашей цивилизации. Без внутреннего огня любая система обречена на энтропию.

Именно поэтому я санкционировал проект «Генезис». Двое наших лучших умов — архивариус Лоран и пилот Илария — получили приказ. Они отправятся в запретные зоны, к самым истокам жизни, чтобы найти причину сбоя и устранить её. Они верят, что ищут способ «оживления» клонов. Они не знают главного.

Лоран подозревает, что ответ кроется в древних мифах о «Любви». Он почти прав. Именно поэтому за ним ведётся тотальное наблюдение. Если его изыскания подтвердят мою главную гипотезу, это будет означать, что «Феномен Ноль» — не сбой. Это — возвращение. Возвращение того, что мы так тщательно изгнали.

И если это так, то проект «Генезис» сменит свою цель. Лоран и Илария станут не спасителями, а охотниками. Они получают новый приказ: найти источник этой «Любви»... и уничтожить его. Ибо мы либо исправим эту ошибку мироздания, либо сотрём её с лица галактики. Ради будущего, построенного на разуме, я готов на всё. Даже на величайшее преступление — уничтожение самой души вселенной.

Часть 1 Где-то на краю мироздания Глава1

Он

Холод был моей первой мыслью. Вернее, не мыслью, а ощущением, из которого я медленно всплывал, как из глубин океана. Он не был враждебным, этот холод. Он был... привычным. Колыбелью. Покровом, под которым я отдыхал, пока галактики закручивались в новых спиралях, а звезды рождались и умирали.

Я лежал, вжавшись в лунный свет. Нет, не вжимался. Я был его частью. Мое тело, огромное, тяжелое, обросшее за время сна еще более густой белой шерстью, впитывало сияние четырех розоватых лун. Их свет лился на меня сквозь прозрачный купол пещеры, что служила мне усыпальницей и лоном для нового рождения. Безмолвие было абсолютным. Тишина между мирами.

И тогда, сквозь ледяную гладь сна, до меня донесся первый звук. Не звук даже, а вибрация. Едва уловимое биение, знакомое до боли. Это пульсировала жила планеты, сжималась и разжималась, как сердце. Значит, время пришло.

Я медленно, с трудом, будто горы с себя стряхивая, поднялся на лапы. Снег, покрывший меня за тысячелетие, осыпался беззвучным водопадом. Я потянулся, и кости затрещали, но не от старости, а от долгой неподвижности. Сила, медленная и могучая, наполняла каждую мышцу, каждую клетку.

Снег под лапами не хрустел, а лишь мягко прогибался. Передо мной лежал мой мир. Бесконечные снежные равнины, освещенные золотистым светом звезд. И Океан. Темный, безмолвный, вечный. Он был зеркалом неба, и в его черной глади отражались все те же бесчисленные солнца. Скоро, — подумал я, и мое собственное сердце отозвалось на зов планеты ударом громче. Скоро.

Я пошел к воде, и мое тело, неповоротливое с виду, двигалось с грацией, которую подарили мне эпохи существования. Я — Страж. Хранитель Порога. Моя задача — ждать. Ждать ее.

Я сел на плотный снег у самой кромки прибоя, что был тише шепота. Поднял морду к небу. Золотой свет звезд касался моих век, и я пропускал его внутрь себя. В памяти всплывали образы, как пылинки в солнечном луче. Я видел зеленые миры, где жизнь только пробивалась из-под камней. Видел пламенеющие пустыни, где существа из кремния и огня пели свои хвалы солнцу. Я видел их всех. Каждую каплю, каждую искру, что мы когда-то послали в путь.

- Помнишь ли ты их? — прошептал я вникуда, зная, что мой шепот донесется до нее, куда бы она ни была заточена до срока.

И тогда я почувствовал. Сначала как далекую ноту в симфонии мироздания. Потом — как трепет в воздухе. Мое сердце забилося чаще. Я не дышал, весь превратившись в ожидание.

Одна из лун, самая большая, та, что мы называли Колыбелью, вспыхнула ярче. И от нее к земле устремился столб чистого, розового света. Он был плотным, как шелк, и звенел, как хрустальный колокол. Звук этот был мне дороже любой музыки.

Свет коснулся снега в ста метрах от меня, и на мгновение все вокруг взорвалось радужным сиянием. Снежинки вокруг заискрились всеми цветами галактики. А в эпицентре, на месте, где свет слился с материей, сидела она. Маленькая розовая мышь. Ее черные глазки-бусинки метались по сторонам, пока не нашли меня. И в них я прочел все то же, что бушевало во мне: радость, тоску, и бесконечную, немыслимую нежность. Она сделала первый шаг, оставив на идеальном снегу крошечный, след. И побежала ко мне.

Я протянул переднюю лапу, и она, не сбавляя шага, взбежала по ней, цепкая и легкая, как пушинка. Ее крошечные коготки щекотали мою шкуру. Она добежала до плеча, уткнулась

холодным носиком мне в шею под шерсть, и я почувствовал знакомое до боли тепло. Вот она. Моя причина. Мой смысл. Мой вечный двигатель.

Я поднялся на задние лапы. Мир изменил перспективу. И в этот миг от ее тепла и моего ожидания вокруг нас сгустился, родился, сверкнувший кокон из чистого света. Он был уютным и плотным. Внутри не было ничего, кроме нас двоих.

Я смотрел на нее, а она — на меня. И в наших глазах говорила вся вселенная.

- Люблю, — прошептал я. Слово было лишним, но я говорил его каждый раз.

И тогда свет поглотил нас, переплавил, смешал. Не было боли. Было преображение. Таяние и сотворение. Я чувствовал, как уходит тяжелая медвежья форма, освобождая то, что скрывалось внутри — суть, дух, любовь, облеченную в человеческий облик.

Когда свет рассеялся, я стоял на двух ногах. Длинные белые волосы падали мне на плечи. Я поднял руку — тонкую, сильную, человеческую — и коснулся ее щеки. Ее розовые волосы пахли озоном и далекими звездами. Ее синие глаза, глубокие, как космос, смотрели на меня, и в них плавали целые созвездия.

— Я ждал, — сказал я, и мой голос прозвучал непривычно.

Она улыбнулась, и ее улыбка была рассветом.

— А я летела, — ее голос был звоном тех самых хрустальных колоколов. — Все время летела к тебе.

Мы не говорили о прошедших тысячелетиях. Мы говорили взглядами. Мы говорили прикосновениями. Ее пальцы сплелись с моими. Холод больше не существовал. Существовала только ее рука в моей руке.

— Океан ждет, — сказала она, и в ее голосе зазвенел нетерпеливый смех.

— Ждет нас, — кивнул я.

И мы, не разжимая рук, побежали по сверкающему снегу к темной, живой воде. Наш бег был полетом. Каждый шаг отдавался эхом в моей груди, в котором стучало только одно слово: «Любовь. Любовь. Любовь».

Часть 1 Глава 2

Она

Я не спала. Я — помнила.

Мое существование между встречами — это не сон, а странное, растянутое в вечности воспоминание. Я была книгой, которую закрыли на самой прекрасной главе, и все, что осталось — это жить внутри одной-единственной фразы. Фразы, которая была его именем.

Я существовала в сердце розовой луны, в коконе из застывшего света. Вокруг меня вихрились туманности, рождались новые солнца, но до меня доносился лишь отголосок этого великого действия, как до ребенка в утробе доносятся приглушенные голоса мира. И в этом эхе я искала один-единственный голос. Низкий, спокойный, как гул древнего ледника. Голос, что звал меня домой.

Потом пришел Зов. Не звук, а толчок. Тот самый пульс планеты, что был для него первым пробуждением, стал для меня щелчком замка. Лепестки моего светового кокона дрогнули и начали раскрываться. Страх не было. Была лишь стремительная, всепоглощающая радость. Пора.

Свет, что был моей темницей и защитой, стал моей пуповиной, моим трамплином. Я почувствовала, как меня вытягивает в струну, концентрирует в энергию, в намерение. Я была больше, чем тело, я была самой идеей возвращения.

И полетела. Столб розового света был моим путем, туннелем, ведущим из царства вечного ожидания — к месту, где он ждал. Я мчалась сквозь безвоздушную пустоту, и звезды по бокам превращались в сверкающие полосы. Я не видела их красоты — я видела лишь точку впереди. Точку, которая была им.

Я лечу, — подумала я, и мысль эта была обращена к нему. - Я уже близко.

Холод коснулся меня первым. Резкий, обжигающий, но такой знакомый. Он был частью его, частью нашего мира. Воздух сгустился вокруг, и свет начал формировать мне новое тело. Маленькое, хрупкое, временное. Тело розовой мыши с крошечными лапками, которые должны были коснуться снега и побежать к нему. Я коснулась. Твердь. Холод. Реальность.

Мое зрение было еще размытым, но мне не нужно было видеть. Я чувствовала его. Его тепло, его огромное, спокойное присутствие было маяком, на который было невозможно не ориентироваться. Я моргнула, и мир встал на место. Белый снег. Золотое небо. И он. Огромный, величественный, сидящий у воды и смотрящий на меня такими знакомыми карими глазами, в которых светилась вся вселенная, которую мы когда-то создали вместе. В них я прочла: «Я ждал. Я всегда жду».

Я сделала первый шаг. Снег был мягким и холодным. Я побежала. Мои маленькие легкие глотали ледяной воздух, и он был сладким, потому что это был воздух его мира. И вот его лапа. Шершавая, надежная, испещренная шрамами невидимых битв, которые он вел в мое отсутствие. Я взбежала по ней, не касаясь, почти летя. Его шерсть пахла звездной пылью и вечностью. Я прижалась к его шее, к горячей коже под густым мехом, и закрыла глаза. Здесь был мой дом. Здесь бился источник всего моего бытия.

— Люблю, — прошептала я, и мой писк был так тих, что услышать его мог только он.

Он поднялся. Мир перевернулся, и я ощутила знакомый вихрь энергии. Наш свет. Наш кокон. Он рождался из нашего желания быть вместе, прикоснуться не как зверь и мышка, а как две равные сути.

Вспышка. Исчезла тяжесть его формы, исчезла хрупкость моей. Мы стали чистым духом, чистым чувством. Я чувствовала, как его сущность сплетается с моей, как лед и пламя, встречаясь, рожают новую жизнь. Это было не больно. Это было... цельно. Как будто я тысячелетие была разлучена с половиной самой себя и наконец-то обрела ее.

Свет угас. Я стояла на двух ногах, чувствуя, как розовые волосы струятся по моей спине. Я подняла руку — человеческую, тонкую — и коснулась его лица. Его белые волосы были шелком на моих пальцах. Он смотрел на меня, и в его глазах я видела отражение своих — синих, в которых теперь танцевали новые звезды, звезды нашего будущего творения.

— Я ждал, — сказал он. Его голос был тем самым гулом ледника, тем самым голосом из моих снов.

Я улыбнулась. Радость переполняла меня, грозя разорвать грудь. Я хотела петь, танцевать, кричать от счастья.

— А я летела, — ответила я, и мой голос зазвенел, как те самые хрустальные миры, что мы создали в прошлый раз. — Все время летела к тебе.

Нам не нужны были слова. Вся наша история, все наши разлуки и встречи были здесь, в этом взгляде, в этом прикосновении. Его пальцы сплелись с моими, и это сплетение было совершеннее любой галактики. Его рука была моим якорем, моим единственным ориентиром в мироздании.

— Океан ждет, — сказала я, и почувствовала, как из глубины моей души поднимается смех — легкий, беззаботный, как полет пушинки.

— Ждет нас, — кивнул он, и в его улыбке была вся нежность вселенной.

И мы побежали. Рука в руку. Босые ноги не чувствовали холода снега, потому что мы сами были источником тепла. Мы бежали к темной воде, которая была для нас не бездной, а колыбелью. Каждый наш шаг отдавался эхом в моем сердце, выстукивая тот же ритм, что и в его: Любовь. Творение. Дом.

Часть 1 глава 3

Он

Ее рука в моей была легкой и уверенной. Мы бежали по снегу, и казалось, не наши ноги касались земли, а сама планета несла нас навстречу судьбе. Ветер свистел в ушах, срывая с губ смех — ее серебристый и мой, низкий, рождавшийся где-то в глубине груди, которую я уже отвык чувствовать.

Океан приближался. Сперва он был безмолвной черной гравюрой, потом — бархатной скатертью, усеянной алмазными бликами звезд, и вот теперь я слышал его дыхание. Тихий, ленивый вздох, с которым вода накатывала на лед, целовала его и отступала. Этот звук был древнее нас. Он был саундтреком к самому первому нашему пробуждению.

Мы резко остановились у самой кромки. Пена, светящаяся нежным фосфоресцирующим светом, омыла наши ступни. Холод? Нет. Это было прикосновение старого друга.

Я повернулся к ней. Ее розовые волосы развевались на ветру, словно живое пламя. Синие глаза, в которых я тонул тысячелетиями, смотрели на воду с жадным любопытством и мудростью прапратери всех миров.

— Готов? — спросила она, и ее голос был шелестом звездной пыли.

— С тобой — всегда, — ответил я, сжимая ее пальцы.

Мы вошли в воду. Она не была мокрой. Она была плотной, энергией, готовой принять нашу волю и превратить ее в плоть. По колено, по пояс... Вода струилась вокруг нас, и с каждым шагом свечение усиливалось. Это были не просто блики. Это были триллионы крошечных существ, искр жизни, дремавших в глубинах и пробуждающихся от нашего присутствия.

Мы остановились, повернувшись лицом к бескрайнему космосу. Четыре луны смотрели на нас, как строгие, но любящие свидетели.

— Помнишь планету оранжевых пустынь? — вдруг сказала она, не глядя на меня. — Где жизнь пряталась в пещерах и пела песни эха?

Память вспыхнула, как вспышка сверхновой. Жаркий ветер, два солнца на малиновом небе, мелодичный шепот, рождавшийся в каменных лабиринтах.

— Помню, — кивнул я. — Их песня была грустной. Они тосковали по небу.

— А мы дали им крылья, — улыбнулась она. — Всего на одно поколение. Чтобы знали, что такое полет.

В ее словах была вся наша философия. Мы не диктаторы. Мы — садовники. Мы даем возможность, шанс. А дальше — жизнь сама найдет свой путь.

Я поднял нашу сцепленные руки.

—Пора.

Она кивнула, и ее взгляд стал сосредоточенным. Мы оба смотрели на воду у наших ног. Она начала менять цвет с темного на молочно-белый, потом на серебристый. Энергия вибрировала, наполняя воздух гулом невидимых струн.

Я отпустил ее руку, и мы одновременно, как в отрепетированном танце, опустились на колени, погрузив ладони в светящуюся воду.

Прикосновение было ударом молнии. Чистой, созидающей силы. Она входила в меня через руки, заполняла каждую клеточку, выжигая всю усталость, всю грусть разлуки, оставляя только первозданную, яростную радость бытия.

Я зачерпнул пригоршню воды. Она была тяжелой, как ртуть, и переливалась всеми цветами, которых нет в названиях. Я встретился с ней взглядом. В ее глазах было то же напряжение, та же готовность. Мы были двумя полюсами одного магнита, двумя половинами одного сердца.

— За жизнь, — прошептал я.

— За любовь, — ответила она.

Я видел, как одна из звездочек, алая и яростная, уносилась прочь, и я знал — из нее родится мир огненных великанов. Другая, изумрудно-зеленая и гибкая, сулила царство летающих лесов. Там, где они упадут, через миллионы лет будут стоять города или петь неведомые звери, любить и страдать существа, даже не подозревающие о нашей миссии.

И мы были их началом. Ее смех, смешиваясь с гулом творения, был самой прекрасной музыкой. Она прыгала в светящихся брызгах, и капли, падая с ее пальцев, рождали целые созвездия.

На этом можно было бы остановиться. Но это был лишь первый аккорд. Мы зачерпнули снова и снова. Каждый бросок был актом любви, воспоминанием, надеждой. Мы поднимали целые каскады света, и они, отрываясь от наших ладоней, дробились на миллионы искр. Каждая искра — не просто клетка, не просто аминокислота. Это была возможность. Это была история, ждущая своего начала.

Вдруг ее смех оборвался. Она замерла, глядя куда-то за мою спину, и ее глаза расширились не от восторга, а от тревоги.

— Смотри, — тихо сказала она.

Я обернулся. И увидел.

Часть 1 глава 4

Она

Это было самое чистое счастье. Быть с ним. Творить с ним. Чувствовать, как вселенная рождается на кончиках наших пальцев. Каждая звездочка, уносившаяся в темноту, была нашим общим дыханием, нашей общей надеждой. Я смеялась, и смех мой звенел в такт пульсации света, вырывавшегося из наших рук. Я смотрела на него — его сосредоточенное лицо, развевающиеся белые волосы, сияющие карие глаза — и думала: Вот он. Мой вечный дом.

И вдруг... что-то изменилось.

Сначала это было едва уловимое ощущение. Словно кто-то выключил звук в оркестре мироздания. Мелодия творения еще играла, но в ней появилась фальшивая нота. Глухая. Пустая.

Я перестала смеяться. Вихрь радости внутри меня замер, уступая место настороженности. Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной мурашек, не имеющий ничего общего с холодом воды или снега. Этот холод шел изнутри. Из самой глубины космоса.

— Смотри, — прошептала я, и мой голос прозвучал чужим.

Он обернулся. И я увидела, как его глаза, только что сиявшие созиданием, сузились, наполняясь свинцовой тяжестью. Он увидел то же, что и я.

Это не были существа в привычном понимании. Это были... дыры. Проплешины в реальности. Серые, беззвучные пятна, плывущие над океаном. Они не излучали ничего. Ни злобы, ни любопытства. Только абсолютное, всепоглощающее НИЧТО. Они были концом всякой музыки, концом всякого света.

«Тени Небытия», — прошептал во мне какой-то древний инстинкт. Облики энтропии. Пожиратели смысла. И они пожирали наши звездочки.

Одна из Теней, похожая на клубящийся туман без формы, накрыла россыпь только что рожденных искр. Искры не взорвались, не погасли с треском. Они просто... исчезли. Схлопнулись. Перестали существовать. От целого мира, который мог бы родиться из них, не осталось ничего. Даже памяти. У меня сжалось сердце. Это была не просто потеря. Это было кощунство. Убийство в колыбели.

— Нет! — его рык прорвал гул творения, полный ярости и боли.

Он бросился вперед, вставая между Тенями и потоком жизни. Он поднял руки, и от него хлынул сокрушительный поток чистого света. Он бил в серые пятна, отбрасывая их, заставляя дрогнуть. Но они не исчезали. Они расступались, как вода, и снова смыкались, продолжая свою безмолвную работу. Они были бесчувственны к его гневу. Его свет был для них лишь временным неудобством.

Я стояла, парализованная ужасом. Сила его была огромна, но она была силой созидания, а не разрушения. Он мог отогнать их, но не уничтожить. А ритуал был прерван. Океан, чувствуя угрозу, начал отступать, его свет мерк. Еще немного — и окно возможности закроется. Тысячелетие ожидания пройдет впустую.

И тогда я поняла, что наша сила не в отражении атак. Она — в любви. А любовь — это всегда готовность отдать.

Я посмотрела на свои руки. На ладони, из которых только что изливались миры. Они все еще светились, наполненные энергией Океана. Но была и другая энергия. Моя собственная. Та, что делала мной. Энергия той самой розовой звезды, что летела к нему сквозь тысячелетия. Энергия любви. «Если они пожирают свет, им нужно дать больше света», — пронеслось у меня в голове. «Такого, которого они не смогут поглотить».

— Доверься мне! — крикнула я ему.

Он обернулся, и в его глазах я увидел вопрос, а потом — стремительное понимание. И ужас.

—Нет! — закричал он.

Но я уже закрыла глаза. Я представила себе не его, не наш Океан, а ту маленькую розовую мышь, сидящую в сердце луны. Я вспомнила тоску ожидания. Я вспомнила радость встречи. Я собрала в один сверкающий клубок всю нежность, всю боль разлук, всю надежду на будущие встречи. Всю свою суть. Я протянула руки к ускользающему свету Океана, но не стала зачерпывать его. Вместо этого я позволила своей собственной энергии излиться в него.

Это было похоже на то, как резать себя изнутри. Ослепительная, сладкая агония. Белая горячая боль пронзила меня, вырываясь из груди, из пальцев, смешиваясь со светящейся водой. Я кричала, но не от страха, а от усилия, от яростного желания защитить наше творение. И это сработало.

Вода, которую я теперь держала в ладонях, была не просто светлой. Она была живой. Она пульсировала розовато-золотым светом, в котором танцевали наши с ним воспоминания. Это была не просто жизнь. Это была любовь, облеченная в форму. Я подбросила ее вверх.

Пригоршня света не стала разлетаться на искры. Она превратилась в огромный, сияющий розовый лотос, который распустился прямо на пути у Тени. Тень наткнулась на него... и отпрянула. Впервые эти бесчувственные пятна проявили нечто, похожее на реакцию. Они не могли поглотить это. Цветок горел слишком ярко, слишком... лично. Он был не просто энергией, он был чьей-то душой.

Я увидела, как он, воспользовавшись моментом, усилил свой свет, отбросив Тени еще дальше.

Но сил у меня больше не было. Ноги подкосились, и я упала бы в воду, если бы он не подхватил меня на руки. Его объятия были единственным, что удерживало меня от полного распада.

— Зачем? — его голос дрожал, а его щека была мокрой. От воды? Или от... нет, он никогда не плакал.

— Они... наши дети, — выдохнула я, прижимаясь к его груди. Мир плыл перед глазами. — Я не могла иначе.

Он прижал меня к себе крепче, и я почувствовала, как его сила, его свет, окутывают меня, пытаюсь исцелить ту дыру, что я проггла в себе самой. Это не больно. Это... пусто. Но в этой пустоте была странная уверенность. Это было правильно. Я пожертвовала частью себя. Но спасла тысячи будущих миров.

Океан, отбросивший Тени, вздохнул с облегчением и стал затихать, его миссия была на грани завершения. Ритуал подходил к концу.

А я смотрела на звезды, которые мы все-таки успели подарить вселенной, и сквозь нарастающую слабость чувствовала лишь одно: это стоило того.

Часть 1 Глава 5

Он

Она была легкой, как пушинка, и хрупкой, как первый лед. Я держал ее на руках, чувствуя, как ее тело, еще недавно излучавшее неистовую энергию, теперь безвольно покоилось на моих ладонях. Ее розовые волосы, обычно сиявшие, как туманность, потускнели и слиплись от капель океана и... чего-то еще. От той энергии, что ушла от нее.

Пустота. Это слово жгло мой разум. Я чувствовал ее во всем. В затихающем гуле Океана, который, выполнив свою миссию, откатывал волны, словно уставший великан. В пронзительной тишине, наступившей после исчезновения Теней. И в ней. В самой ее сути зияла дыра, рана, нанесенная не оружием, а актом безграничной любви. «Зачем?» — снова и снова буравила меня моя же собственная мысль. Я бы нашел способ. Я бы отбросил их, защитил ритуал... Пусть не все звезды долетели бы, но она осталась бы цела.

— Они... наши дети, — прошептала она, и ее голос был слабым шелестом.

И я все понял. Понял с той же неотвратимостью, с какой планета вращается вокруг звезды. Для нее это не было жертвой. Это было материнским инстинктом, доведенным до космического масштаба. Защитить потомство любой ценой. Я, Хранитель, думал о сохранении процесса. Она, мать, думала о сохранении жизни.

Я не стал спорить. Не стал упрекать. Я просто прижал ее к своей груди так крепко, как только мог, пытаясь своим теплом, своим светом заполнить эту ужасающую пустоту в ней. Я закрыл глаза и сосредоточился, направляя потоки энергии, что текли во мне от звезд и лун, в ее истощенное тело. Это было похоже на то, как пытаться наполнить бездонный кувшин. Энергия уходила, почти не задерживаясь, лишь слегка согревая ее холодную кожу.

— Не трать силы, — она кашлянула, и ее пальцы слабо сжали мою руку. — Ты нужен... чтобы донести меня до сна.

Слова были шутливыми, но в них слышалась горькая правда. Ритуал был завершен. Вселенная получила свою порцию жизни. Закон вступал в силу. Океан отступал, и его сила больше не питала нас. Нам оставались лишь часы, может быть, минуты.

— Я донесу тебя до следующего пробуждения, — прошептал я ей в волосы, вдыхая ее ослабевший аромат — озон и увядающие звезды. — И до следующего. И до того, что будет после.

Она слабо улыбнулась, и в уголках ее синих глаз, теперь потускневших, собрались крошечные сверкающие слезинки.

— Обещаешь?

— Клянусь льдом моей планеты и огнем твоего сердца.

Я поднял ее еще выше и понес прочь от воды. Светящийся след на снегу, оставленный нашим бегом, уже гас. Звезды на небе казались холодными и равнодушными. Я шел медленно, бережно, стараясь не трясти ее. Каждый ее тихий вздох отзывался во мне болью.

Мы достигли места нашего рождения — того самого, где она когда-то появилась из столба света. Теперь это было просто заснеженное поле под безжалостно красивым небом.

— Поставь меня, — попросила она.

Я опустил ее на ноги, но продолжал держать, опасаясь, что она упадет. Она стояла, опираясь на меня, и смотрела на луны. На ту, что была ее домом.

— Было красиво, правда? — сказала она, и в ее голосе снова зазвучали прежние нотки, словно последний луч заходящего солнца. — Особенно та, что алая... из нее выйдут великие воины с сердцами из вулканического стекла.

— А из той, что изумрудная, — певцы, — добавил я, заставляя себя говорить сквозь ком в горле. — Их голоса будут звучать в кронах летающих деревьев.

Мы стояли молча, держась за руки, и достраивали в своем воображении миры, которым только предстояло родиться. Это был наш прощальный подарок друг другу — разделенная фантазия, последний акт совместного творения.

Вдруг она вздрогнула и схватилась за грудь.

— Пора.

Ее тело начало светиться изнутри, но свет был неровным, прерывистым. Он вспыхивал и гасился, словно свеча на ветру. Из-за раны, из-за потери энергии, трансформация давалась ей с трудом.

— Держись за меня! — я обнял ее, вливая в нее остатки своих сил, становясь якорем в бушующем море боли.

— Я... всегда держусь за тебя, — она выдохнула, и ее пальцы впились в мои плечи.

И тогда случилось то, чего не было никогда за все наши циклы. Ее свет погас, не сумев собраться в чистую сферу. Вместо маленькой розовой звезды, в небо поднялся бледный, дрожащий огонек, больше похожий на угасающую искру. Он медленно, неуверенно поплыл в сторону луны, колеблясь и мерцая, словно вот-вот погаснет навсегда.

Мое сердце разорвалось. Я протянул руку, как будто мог удержать ее, как будто мог вернуть.

— Лети, — прошептал я, и мой голос сорвался. — Лети, моя любовь. Я буду ждать. Всегда.

Я стоял и смотрел, пока тот огонек не превратился в крошечную точку, не отличимую от других звезд. Только я знал, что одна из звезд на небе — ранена. Только я знал, какая боль пряталась за этим сиянием.

Полярная ночь снова сомкнулась над планетой, холодная и безмолвная. Но теперь ее безмолвие было не мирным, а гнетущим. Я остался один. С пустыми руками и сердцем, полным новой, неизведанной тоски — тоски не просто по возлюбленной, а по части ее, которую она оставила в битве.

Я медленно повернулся и побрел к своей ледяной пещере. Снег хрустел под ногами, и этот звук был одиноким и безнадежным. Впереди была тысяча лет сна. Но впервые за всю вечность я боялся заснуть. Боялся, что ее огонек в небе не дотянет до нашего следующего пробуждения.

Часть 1 глава 6

Она

Боль была моей новой реальностью. Вселенная, обычно сиявшая для меня миллиардами красок, сузилась до тусклого, блеклого туннеля. Я была той самой искрой, что вот-вот погаснет — одинокой, заблудившейся в безвоздушной пустоте. Я не летела. Я падала.

Каждое мгновение было борьбой. Воспоминание о его объятиях, о тепле его груди было единственным, что не давало мне рассыпаться в прах. Я цеплялась за него, как за спасительную нить. Его голос: «Лети...» Он верил в меня. А я... я чувствовала, как моя сущность, моя «я», вытекает из той раны, что я сама себе нанесла. Что, если я не долетела бы? — пронеслась кошунственная мысль. Что, если этот цикл станет последним?

Страх, холодный и липкий, попытался поглотить меня. Но сквозь него пробивался другой образ. Не его, а тот самый алый росток жизни, что мы послали в путь. Я видела его — крошечный, яростный, полный желания жить. И я понимала: он был бы мертв, если бы не мой поступок. Ради этого стоило гореть меньше, но гореть сейчас.

Я собрала остатки воли. Я не просто искра. Я — начало. И мое место — в сердце розовой луны, чтобы однажды снова устремиться к нему.

Я выпрямила траекторию своего падения, превратив его в путь. Каждый сантиметр давался с невероятным усилием. Звезды вокруг, обычно такие приветливые, казались мне безразличными гигантами. А впереди, все увеличиваясь, росла моя луна — Колыбель. Она не манила, а ждала. Как холодная, но единственная постель.

Я молилась, чтобы у меня хватило сил. Не для себя. Для него. Чтобы через тысячу лет он не вышел из пещеры и не увидел на небе лишь пустое место. Чтобы его прекрасные карие глаза не наполнились болью, которую уже нельзя будет исцелить. Эта мысль придала мне последний, отчаянный импульс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.